

ВЕЧНОЕ И ТЕКУЩЕЕ

(Евангелие Достоевского и его значение в жизни
и творчестве писателя)

«На комодe лежала какая-то книга <...> Это был Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» (6; 248).

Достоевский описывает в романе «Преступление и наказание» тот самый экземпляр Евангелия, который был ему подарен в 1850 г. в Тобольске на пересыльном дворе женами декабристов. Потом, в последний период его жизни, в его библиотеке было, по словам А. Г. Достоевской, «несколько экземпляров Евангелия»¹. Но с этою, единственною книгой, позволенной в остроге, он никогда не расставался. Она была его постоянным чтением². Несомненно, о ней говорит он и в романе «Униженные и оскорбленные»: «На столе лежали две книги: краткая география и Новый Завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (3; 176—177).

Эти строки также автобиографичны. Действительно, в Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, очень много страниц, «исчерченных карандашом на полях». В недавние годы они стали предметом изучения исследователей творчества Достоевского. Но пока не проанализированы страницы «с отметками ногтем» (а их нема-

¹ А. Г. Достоевская. «Книга для записывания книг и газет по моей библиотеке» (Государственный Литературный музей, фонд 81 — фонд Достоевского отдела рукописей ГЛМ, основанный на архиве его филиала — Музея-квартиры Ф. М. Достоевского. В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (М., 1957 г.), в томах «Литературного наследия», посвященных Достоевскому, и во многих других изданиях имеет также обозначение: М. Д.).

На основе этой рукописной тетради составлен первый каталог библиотеки Достоевского Л. П. Гроссманом («Библиотека Достоевского». Одесса. 1919).

² Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского. — Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. СПб. 1883. С. 298.

ло)³: остаются неизвестными столь важные для понимания религиозных и творческих исканий великого мыслителя и художника самые ранние, сделанные в четыре каторжных года, пометы. А. Г. Достоевская рассказывала, что и через много лет после каторги ее муж, вспоминая «о пережитой им душевной тоске и тревоге, говорил, что надежда оживала в его сердце только благодаря Евангелию, в котором он находил поддержку, чувствуя каждый раз, когда за него брался, особый прилив сил и энергии»⁴. Заметно, что ко многим, давно прочитанным страницам он возвращался вновь, и тогда рядом с пометами ногтем появлялись отметки карандашом. Так, например, 498-я страница его Евангелия почти вся отмечена на полях ногтем от стиха 17 по 32, а стих 19 помечен карандашом («Послание к Ефесеянам Святого Апостола Павла». Гл. 4). Что волновало Достоевского в ту минуту?

Помет, сделанных чернилами, немного. И они долгие годы не попадали в поле зрения исследователей. Некоторые из них нам удалось понять. Сам характер их, весьма напоминающий страницы его творческих рукописей, а главное, содержание тех страниц Евангелия, на которых они сделаны, подсказали, что первые пометы чернилами появились в главной книге его жизни в июльские дни 1866 г., когда он вынужден был по требованию редакции «Русского вестника» переделывать «с трудом и тоской» четвертую главу четвертой части «Преступления и наказания» (28, 2; 166) (потому и не упоминал Достоевский о пометах чернилами, когда описывал свое Евангелие в романе «Униженные и оскорбленные»). Пометы сделаны в одиннадцатой главе «Евангелия Иоаннова» — так называет он любимое им четвертое Евангелие в романе «Преступление и наказание» (6; 250). Легенда о воскресении Лазаря испещрена цифрами, знаками *nota-bene*, особыми значками, встречающимися и в его черновиках, некоторые слова подчеркнуты⁵. Но в тексте романа он подчеркивает не те слова, которые выде-

³ РГБ. Ф. 93. 1. 5 в. ед. хр. 1. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Новый Завет. Первым изданием. СПб. В типографии Российского Библейского общества. 1823.

⁴ Н. Н. Кузьмин. «Евангелие Достоевского». «Ежемесячные сочинения». Литературный журнал И. Ясинского. (Орган независимой мысли). СПб. 1901, № 1 (январь). С. 68, 69.

⁵ Подробнее см. наш комментарий к роману «Преступление и наказание» в серии «Литературные памятники» (М., «Наука», 1970). Это была первая публикация помет Достоевского в Евангелии (явление весьма редкое в те времена) и первое обращение к Евангелию при комментировании. Повторено в 7 томе Полн. собр. соч. Достоевского. (Л., «Наука», 1973). Исследовано в кн.: Geir Kjetsaa. "Dostoevsky and His New Testament". Solum Forlag A. S.: Oslo. Humanities Press: New Jersey, 1984.

лены в Евангелии (и цитирует текст не совсем точно). Однако не потому, что цитировал по памяти⁶, что было Достоевскому действительно весьма свойственно. Так, в Евангелии в стихе 39 — «ибо четыре дни как он во гробе» подчеркнуты слова «как он во гробе». В романе Достоевский подчеркивает: «ибо четыре дни как он во гробе». И Соня при чтении «энергично ударила на слово: четыре» (6; 251). Это неслучайно: чтение легенды о воскресении Лазаря происходит в «Преступлении и наказании» на четвертый день после совершенного Раскольниковым преступления. Завершив чтение, Соня «отрывисто и сурово прошептала»: «Все об воскресении Лазаря» (6; 251). В текст романа оказалась вкрапленной вся легенда — 45 стихов Евангелия (гл. 11, ст. 1—45)! Достоевский даже разметил ее в своем Евангелии римскими цифрами I, II, III, IV, V, обозначающими последовательность ее включения в роман.

Великий художник-романист уступает место «вечному Евангелию» (слова эти в его Евангелии подчеркнуты и отмечены знаком *nota-bene*. — Откровение Святого Иоанна Богослова, гл. 14, ст. 6)! Невольно вспоминаются и другие величественные слова из Евангелия, слова, которыми начинается Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово...».

Возможно, чтение Евангелия в окончательном тексте романа появилось вместо задуманного Достоевским первоначально «Видения Христа»⁷. Такое же мнение высказывает и профессор Дж. Гибиан («В окончательном тексте романа эта сцена (т. е. Видение Христа) была заменена той, где Соня читает вслух Евангелие»⁸). Однако возможно, на наш взгляд, что обе сцены существовали в сознании писателя при создании романа с самого начала. Достоевский, с присущей ему «тоской по текущему», остро воспринимавший все явления своей эпохи, умевший на них откликаться современно и своевременно, не мог не заметить той бурной полемики, которая вспыхнула и в Европе, и в России в 1864—1865 гг. вокруг новых изданий сочинений Д. Штрауса и Э. Ренана о жизни Христа. «Легенды о воскрешении дочери Иаира и воскрешении Лазаря имели доказательную силу относительно чудес грядущих», — утверждал Штраус в той книге, которую Достоевский

⁶ Плетнев Р. В. Достоевский и «Евангелие». «Путь» (Париж). 1930, № 24.

⁷ «Преступление и наказание» «Литературные памятники». М., «Наука», 1970. С. 762. Комм. Г. Ф. Коган.

⁸ Дж. Гибиан (Корнуэллск. университет, США). Традиционная символика в «Преступлении и наказании». — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10, СПб., «Наука», 1992. С. 236.

брал из библиотеки Петрашевского⁹. Новые издания им были приобретены для своей библиотеки, когда в 60-е годы шел спор о том, возможны ли подобные чудеса, имеют ли они историческую достоверность или это не более, как плод фантазии евангелиста¹⁰. С верой в чудеса был связан вопрос о вере и безверии, о существовании Иисуса. О случаях воскрешения из мертвых говорится и в повествованиях первых трех евангелистов. Но «Евангелие Иоанново», над которым склонились Соня и Раскольников, было самым сильным повествованием. Воскрешение из мертвых Лазаря, уже четыре дня пребывавшего во гробе, было неслыханным, величайшим чудом, утверждавшим веру в Христа, последним доказательством и подтверждением Его Божественной власти. В романе «Преступление и наказание» не называются прямо имена Штрауса и Ренана. Сочинения Ренана занимают важное место в творческой истории романа «Идиот». Но и в «Преступлении и наказании» имеются отзвуки той полемики 1865—66 гг., которая велась вокруг «Ренановых сочинений» — и в самой сцене чтения легенды о воскресении Лазаря, даже в том, как усиленно подчеркиваются слова «четыре дни», «четвертое Евангелие», т. е. самое доказательное, и, главное, в тех вопросах, которые Порфирий Петрович задает Раскольникову: «И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую <...> И-и в воскресение Лазаря веруете?» (6; 201). Все эти проблемы веры и безверия будут предметом ученой беседы и на первых страницах романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», созданного в ту пору, когда они вновь вспыхнули в 20—30 годы нашего века. «Вы не верите в Бога?» — задают вопрос и в романе Булгакова, и Берлиоз, «обнаруживая солидную эрудицию», старается доказать поэту, которому он заказал поэму об Иисусе Христе, что «главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о Нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф»; в споре с Воландом по поводу доказательств бытия Божия он прямо называет имя Штрауса¹¹.

И во времена Булгакова начнут говорить о конце мира под впечатлением того, что происходило в действительности. Последний сон Раскольникова в бреду на койке острожной больницы —

⁹ Д. Штраус. Жизнь Иисуса. Париж. 1839, кн. 2, гл. 2. С. 76, 77.

¹⁰ Э. Ренан. Жизнь Иисуса. Перевод с франц. И. Монакова. Дрезден, 1864—1865. Газеты извещали, что Ренан возвращается в Париж из путешествия по Греции, Египту и Сирии, где он посетил места, в которых жили Апостолы. «Книжный вестник», 1865. № 12.

¹¹ Мих. Булгаков. Избранное. Роман «Мастер и Маргарита». Рассказы. М., Худ. лит-ра, 1980. С. 12, 13, 15.

сон о трихинах, который произвел решающий перелом в его душе, тоже подсказан Достоевскому реальными событиями 1864—1865 гг. Образ моровой язвы, нравственной эпидемии, вызванный какими-то мельчайшими трихинами, возник под впечатлением многочисленных тревожных газетных сообщений о каких-то неизвестных в медицине микроскопических существах — трихинах и о повальной болезни, причиняемой ими, в Европе и в России¹². Газетам и журналам было поставлено в обязанность издать в виде брошюр «возможно подробную монографию о трихинах «и продавать по самой дешевой цене для изыскания средств против этого зла». Газета «Петербургский листок» (13 янв. 1866 г. № 7, «Еще о трихинах») предлагала даже сделать вопрос о трихинах «предметом конкурса на премии». Срочно была издана брошюра: М. Руднев. О трихинах в России. Нерешенные вопросы в истории трихинной болезни. СПб. 1866, 40 стр. (с указанием: перепечатано из «Медицинского Вестника» 1866 г. № 17, 18, 19, 20 и 21). Достоевский мог прочесть об этом в 1864 г. и на страницах хорошо ему знакомой «Иллюстрированной газеты» (где в июле напечатан самый обширный некролог М. М. Достоевскому) (1864, 26 ноября). Заметка называлась «Трихины в мясе». М. Руднев писал о том, что у людей появляются болезненные припадки «вследствии употребления свиного мяса». Эти трихины, обнаруженные в свином мясе, вызывают в памяти Достоевского хорошо знакомые ему строки из Евангелия от Луки (гл. 8; 32—36), то самое место, которое он «выставил эпиграфом к роману «Бесы»: «Тут же на горе паслось большое стадо свиней ...» «<...> Это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!» — такая «одна мысль» приходит Степану Трофимовичу (10; 499)¹³. «...Скверная трихина, как атом чумы, карающий целые государства...» («Сон смешного человека») (25; 115) разрастается под пером Достоевского в соединении с образами из Апокалипсиса в огромный символ страшного мира, предупреждение человечеству.

¹² Разные известия и заметки. Трихины. «С.-Петербургские ведомости». 1865, 23 марта. В то же время, 28 апреля, «С.-Петербургские ведомости» сообщали о том, что «на набережной Екатерининского канала бросилась через перила в воду неизвестная женщина» (см. «Преступление и наказание». — 6; 131) и оповещали в апреле и мае о книге «Уголовно-статистические этюды» (СПб., 1865) Н. Неклюдова, в которой речь шла о том, «управляют ли цифры миром» (См. «Преступление и наказание»: «Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то...» — 6; 43).

¹³ Все цитаты из Евангелия даются в современном переводе. То, что последние страницы «Преступления и наказания» — «это вся идея «Бесов», весь их замысел и внутреннее содержание», заметили еще современники Достоевского — см.: Е. Л. Марков. Критические этюды. «Русская речь», 1879, июнь.

И последний сон Раскольниковова, как и четвертая глава четвертой части, восходят к Евангелию. В те же дни, когда мучила переделка сцены чтения легенды о воскресении Лазаря, теми же чернилами и почерком сделаны Достоевским помсты в Апокалипсисе: в «Откровении Святого Иоанна Богослова», гл. 13, возле стиха 15 поставлен крест, рядом со стихом 11—12 на полях написано: «социал[изм]», в гл. 17, ст. 9 — «цивилизация», отметка крестом и знак nota-bene чернилами, рядом со ст. 6 из гл. 14: «И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу» чернилами поставлено NB (nota-bene).

* * *

Происходило это в 1866 г. в Люблине, близ Москвы, на даче у родных. Сопровождавший иногда Достоевского в его поездках в Москву студент из компании молодых людей, окружавших его в то лето (они будут выведены потом в романе «Вечный муж»), бывая в комнате Достоевского, видел «небольшое Евангелие, которое у него лежало на маленьком письменном столе»¹⁴.

В 1901 г. Анну Григорьевну Достоевскую посетил петербургский писатель Н. Н. Кузьмин. Она показала ему Евангелие Достоевского. Он держал книгу в руках и видел, что «внутри Евангелия свято береглись все дорогие для него (Достоевского.— Г. К.) воспоминания». Анна Григорьевна рассказывала ему о них. Он запомнил закладку с вышитой буквой «Д», засушенный цветок, веточку туи с могилки первой дочери, фотографии детей, «переживших отца». Но реликвий было больше, судя по обнаруженной нами недавно музейной архивной тетради, считавшейся утраченной. Оказалось, что в самой дорогой его сердцу Книге Достоевский хранил то, что особенно любил. За каждой реликвией стоит не только близкий или симпатичный ему человек — открываются новые черты его личности.

За два часа до своей кончины Достоевский, «подозвав к себе сына, передал ему Евангелие, прося бережно сохранять и никому не отдавать этой охранявшей его в жизни от всех заблуждений святыни»¹⁵. Анна Григорьевна не забывала о завещании Федора Михайловича. Евангелие хранилось в семье Достоевских «как дорогая незабвенная память о нем»¹⁶. Анна Григорьевна не передала

¹⁴ Н. фон Фохт. К биографии Достоевского. В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Серия «Литературные памятники». Т. 2. М., 1990. С. 53.

¹⁵ Н. Н. Кузьмин. Указ. статья. С. 69.

¹⁶ Там же.

его в открытый ею в 1906 г. «Музей памяти Достоевского» — в одной из башен Императорского Российского Исторического музея им. Александра III (первый музей Достоевского, первый писательский музей в России!), где с другими пожертвованными ею реликвиями экспонировалась в 1901 г. и рукопись «Братьев Карамазовых», не называла Евангелие ни в одном из своих духовных завещаний, составлявшихся ею в разные годы. Лишь однажды в тетради («На случай моей смерти или тяжелой болезни») (РГАЛИ, ф. 219, № 204), начатой ею 28 янв. 1902 г., в годовщину смерти Достоевского, записала на полях: передать Евангелие второму внуку Андрею Федоровичу (которому тогда исполнился год), видя знамение в том, что дата его рождения совпадала с датой смерти деда. Не назвала она Евангелие и в последнем своем Духовном завещании (составленном в 1915 г. в Петербургской нотариальной конторе). Евангелие Достоевского принадлежало Федору Федоровичу до конца его жизни. Он умер в 1921 г. Евангелие присоединилось к коллекции А. Г. Достоевской в Историческом музее в 1923 г.¹⁷ На Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, появилась первая архивная помета. В 1929 г. «Отдел Достоевского» при Историческом музее был закрыт. Рукописные материалы из коллекции А. Г. Достоевской стали поступать в рукописный отдел Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), а личные вещи писателя, его портреты, иллюстрации к его произведениям — в Московский «Музей-квартиру Ф. М. Достоевского», открытый в 1928 г. на Божедомке. Считалось, что все рукописи и документы перешли в ГБЛ (ныне РГБ). Однако уцелевшая «Инвентарная опись архивных документов, хранящихся в музее Ф. М. Достоевского» (первая дата — 1928 г., последняя — 1939) свидетельствует о том, что и в музей поступили письма писателя и некоторые документы. И в ней под № 260 записано: «Евангелие, бывшее у Ф. М. Достоевского в Сибири на каторге и хранившееся у него до конца жизни. Поступило из Гос. Исторического музея». Записи поступающих материалов вели В. С. Нечаева, первая заведующая музеем, и научный сотрудник музея В. С. Любимова (Дороватовская-Любимова). Евангелие Достоевского, с которым он не рас-

¹⁷ «Евангелие, бывшее с Ф. М. Достоевским, и его собственноручное письмо к брату Михаилу, написанное в Петропавловской крепости после приговора, переданы на хранение гражданкой Леокадией Степановной Михаэлис (с 15 мая 1916 г. состояла в гражданском браке с Ф. Ф. Достоевским. — Г. К.) с условием выдачи этих предметов внуку Ф. М. Достоевского А. Ф. Достоевскому по его гражданском совершеннолетию. Означенная передача состоялась 14 июля 1923 года, при чем Ученый совет РИМ согласился на условия, поставленные гражданкой Михаэлис» (Докладная записка директора РИМ Щекотова Н. М. в Музейный отдел Главнауки — РГАЛИ).

ставался до конца жизни, оказалось в доме его детства и юности (в другом флигеле этого дома он родился), в доме, где первой его книгой, по которой он учился читать, была «Священная история Ветхого и Нового Завета», где одной из первых, «поразивших его в жизни (ему было тогда 8 лет), была «Книга Иова», приводившая его в «болезненный восторг» и в старости.

Евангелие хранилось в ящике письменного стола Достоевского из его предпоследней петербургской квартиры (переданного А. Г. Достоевской в Москву, в Исторический музей). Весною 1934 г. его видел А. Мальро, посетивший музей на Божедомке, когда приезжал в Россию на первый съезд советских писателей: «Мейерхольд после того, как показал мне описанный в «Преступлении и наказании» старый Санкт-Петербургский квартал... показал мне также тот дом в Москве, где прошла его юность, дом его отца... Хранительница вытащила из письменного стола и протянула нам книгу: «Это Библия, которую он привез с каторги». Она была покрыта надписями...»¹⁸.

Вслед за № 260 (номер Евангелия) в инвентарной книге музея, к номерам от № 261 до № 271, соединенных на полях одной чертой, сделано указание: «вложено в Евангелие» и дано краткое описание каждой единицы. В 1939 г. вместе с другими рукописными материалами, поступившими в музей из Исторического музея, Евангелие было передано В. С. Нечаевой в Рукописный отдел ГБЛ (фонд 93). Но из того, что находилось в книге по музейному описанию, оказались оставленными в ней только печатная закладка, засушенные цветы (цветочки туи). Остальное перешло в разные разделы фонда Достоевского. Лишь на архивных обложках к ним имеется примечание В. С. Дороватовской-Любимовой о том, что они находились в Евангелии, принадлежавшем Достоевскому. Внимание исследователей эти «единицы» (обычное музейное и архивное название материалов) не привлекали (за исключением некоторых). Мы занялись изучением каждой «единицы» и заметили на них старую архивную помету «к № 54676». Этот же номер был поставлен при поступлении Евангелия Достоевского в Исторический музей. (Твердый знак, отмененный в 1918 г., мог еще появляться в записях 1923 г.). В Историческом музее служили тогда при «Отделе Достоевского» И. Н. Розанов (заведывавший библиотекой, организатор выставки, посвященной Достоевскому в 1921 г.), Н. В. Гиляровская, дочь В. Гиляровского, с которым в последние годы своей жизни был в дружеских отношениях Федор Федорович Достоевский, К. А. Розанова-Марцишев-

¹⁸ А. Мальро. Антимемуары. — «Зеркало лимба». М., «Прогресс», 1989. С. 224 (первый русский перевод).

ская (одна из редких родственниц Ф. М. Достоевского по линии его отца), Е. В. Благовещенская, помогавшая мне в 1976 г. в поисках одной из папок А. Г. Достоевской с подлинными документами Ф. М. Достоевского.

Обратимся к тому, что хранил Достоевский в «вечной Книге». Ведь и закладки, как и пометы, тоже отражают момент творчества. Но возможно ли определить намерение автора, не зная страниц, где они были оставлены? В описи Евангелия, сделанной рукописным отделом РГБ, отмечены лишь страницы, где лежали засушенные цветы. Один «сухой цветочек» был подарен ему, по рассказу А. Г. Достоевской, шестилетней дочкой. Это пижма, сорванная Любой, очевидно, в Старой Руссе. Остался он в том месте, где находится «Второе соборное послание Святого Апостола Петра» (гл. I, 1—19). Другой цветок лежит между страниц, где находится «Второе послание к Коринфянам Святого Апостола Павла», и Достоевским сделана карандашом помета возле ст. 18 в гл. IV: «Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно».

В Евангелии Достоевского хранилась «Ветка с Сониной могилы». Две веточки туи вложены в конвертики, с надписью карандашом рукою Анны Григорьевны. Ею же поставлена дата 9/28 авг. июля 1883 (РГБ. Ф. 93. III. 5. 42а). Соня умерла в 3-х месячном возрасте. Что означает дата, поставленная ею? Н. Н. Кузьмин видел ветку туи, привезенную Достоевским. В последний раз он посетил могилку в 1879 г. во время лечения в Эмсе:

«На поездку в Париж у Федора Михайловича денег не хватило, но он не мог отказать себе в искреннем желании побывать еще раз в жизни на могилке нашей старшей дочери Сони, память о которой он сохранял в своем сердце. Он приехал в Женеву, побывал два раза на детском кладбище «Plain Palais», привез мне с могилки Сони несколько веток кипариса, успевшего за шесть лет разрастись над памятником девочки»¹⁹.

Возможно, веточки туи привезла и сама Анна Григорьевна. После смерти Федора Михайловича она не раз выезжала за границу, стараясь посетить те города, где он бывал, знакомилась с переводчиками его сочинений, собрала немало изданий. В таможнях удивлялись и сердились, находя в ее чемоданах бережно завернутые в платье томики сочинений Достоевского²⁰.

¹⁹ А. Г. Достоевская. Воспоминания. Указ. изд. С. 265.

Иногда веточки присылались из Женевы теми, кто ухаживал за могилкой Сони.

²⁰ А. Г. Достоевская. Воспоминания. РГБ. Ф. 93. I. № 1. С. 737, 777, 787.

В Евангелии Достоевского хранилась «Молитва при родах», сделанная рукою Анны Григорьевны Достоевской (№ 267 по музейной описи, и РГБ, ф. 93, III, 5. 266). Даты нет. Возможно, она записала молитву в ожидании первого ребенка. Первая дочь Соня родилась в 1868 г. «Я <...> читала Евангелие», записано Анной Григорьевной в ее «Дневнике 1867 г.»²¹. Известно, что Федор Михайлович и за границей не расставался со своим Евангелием.

«Христос изволит ходить по земли
с молитвами —
жена мучится родами.
Христос изволит послать Петра, скажи сей жене:
Младенец изыде из матери, Господь тебе повелевает,
на себя надейся во время мук.

Прииде Иисус к зле страждущей родильнице
и рече: младенец изыди невреждо из чрева
матери твоея и бысть тако».

Заставка между лл. 124—125, указанная в описи РГБ — это изданная в типографии полоска плотной белой бумаги в виде канвы. «Первая закладочка с буквой «Д», которую она (имеется в виду Люба Достоевская. — Г. К.) сама вышила ему — «первая закладочка»!²² Буква вышита розовыми нитками. Это сделано детскою рукою. Закладка лежит в Ев. от Иоанна, гл. 6. Достоевским сделаны пометы карандашом к стихам 45—46, 54—55: «У пророков написано: «и будут все научены Богом». Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне. <...> Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и воскрешу его в последний день; Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье <...>».

Среди находившихся в Евангелии «вложений» есть рецепты и квитанции. На одном рецепте неизвестной рукою написано: «Пить Эмс Кренхен» (этот рецепт Достоевский мог получить от Д. А. Кошлакова), другой был выдан ему в Петербурге на очки в заведении И. Мильке²³. По свидетельству А. Г. Достоевской, «у Ф. М. по месяцам сохранялись в портсигаре, в портмоне самые ничтожные квитанции: просто забывал их выбросить»²⁴. Но кви-

²¹ А. Г. Достоевская. «Дневник 1867 года». М., «Литературные памятники», 1993. С. 164. Издание подготовила С. В. Житомирская.

²² Н. Н. Кузьмин. Указ. статья. С. 69.

²³ У Достоевского были очки, но он не носил их постоянно, а надевал «иногда во время ночной работы» (А. Г. Достоевская. «Книга для записывания книг, бюстов, портретов и других предметов, отправленных в Московский музей А. Г. Достоевской. 1890 г.» (П. Д. № 30600/ССХIV64).

²⁴ А. Г. Достоевская. Воспоминания. Указ. изд. С. 375.

танции, оставшиеся в Евангелии, нельзя назвать «ничтожными». Имеющиеся в них подписи тех, кем они были выданы, говорят о том, что они были дороги Достоевскому как память о людях, с которыми его связывали дружеские и деловые отношения. Вот квитанция № 164 зеленого цвета с рукописными вставками, свидетельствующая о том, что от г. Ф. М. Достоевского получено 5 руб. на устраиваемый Правлением Вспомогательной Кассы Наборщиков «Семейный вечер»

Билет для входа будет выслан

23 декабря 1876», подписана М. Александровым.

Михаил Александрович Александров — наборщик и метранпаж той типографии, где печатался «Дневник писателя». «Не посрамите, не погубите», — взывал к нему Достоевский, особенно в критические дни перед выпуском, а «запаздывал Ф. М. нередко...»²⁵ и наборщик всегда выручал его. Достоевский доверял ему, любил с ним беседовать, Александров часто приходил к нему поздно вечером после работы в типографии. Припоминали иногда в беседах и евангельские образы. Бывая в типографии, Достоевский беседовал и с другими наборщиками, труд которых высоко ценил. Такое приглашение, несомненно, радовало его. И эта квитанция, и визитная карточка И. П. Корнилова, на которой его рукою сделана запись: «получил 29 декабря от Ф. М. Достоевского членский взнос 10 р. серебром», выполняли в Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, не только роль закладки. И. П. Корнилов был председателем Славянского Благотворительного Общества, в которое Достоевский вступил в 1873 г., был выбран членом Совета Общества в 1878, а в феврале 1880 г. стал товарищем Председателя. Проблемы благотворительности глубоко волновали Достоевского. Адрес на визитной карточке напоминал ему о тех вечерах по субботам у «деликатнейшего» Ивана Петровича Корнилова, на которых он любил бывать в свои последние годы. «Одним из пяти ближних приятелей» Достоевского называл его К. П. Победоносцев. Он входил в тот «квинтет» (по выражению А. Н. Майкова), с которым общался Достоевский и который собрался у К. П. Победоносцева, когда он позвал 2 февр. 1881 г. весь «квинтет» на обед: «Вспомним усопшаго и поговорим об нем»²⁶. С Корниловым Достоевского связывали не только дружеские отношения. До по-

²⁵ М. А. Александров. «Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах». Рукописные вставки в экземпляре, подаренном им А. Г. Достоевской (РГАЛИ. Ф. 212, оп. 1, 256).

²⁶ Из переписки К. Победоносцева с В. Мещерским (РГАДА, ф. 1378, оп. 2, № 4).

следних дней своей жизни Корнилов благоговейно вспоминал великого писателя, «друга своего незабвенного»... «Вы знаете, как я его сердечно любил», — писал он А. Г. Достоевской (РГБ. Ф. 93. II).

Рецептов и квитанций, бывших у Достоевского, сохранилось немало. Но эти, оставшиеся в его любимой книге, выполняли, пожалуй, такую же роль, как и сохранившиеся повестка Литфонда, приглашавшая «господ писателей пожаловать на репетицию спектакля «Ревизор», на обороте которой он записал план романа «Униженные и оскорбленные»²⁷, и повестка от Общества любителей Духовного просвещения, на которой набросал фрагменты публицистической статьи, что в то время обдумывал²⁸. Они были положены сюда в минуты раздумий над страницами вечной Книги, чтобы не остались забытыми взволновавшие его стихи и образы, заставившие задуматься, и непременно вернуться к ним. Возможно, там, где они лежали, были сделаны и пометы.

«В книге еще хранятся портреты двух детей — сына и дочери, снятых в детстве и переживших отца», — писал Н. Н. Кузьмин, державший в своих руках Евангелие Достоевского в 1901 году. Какие же фотографии мог он видеть? С какими не расставался Достоевский? Покидая с неохотой тихую Старую Руссу в 1878 г. (в свою четвертую поездку для лечения в Эмсе), он мог взять с собою фотографию детей, где они сняты вместе в русских костюмах (выполненную известным петербургским фотографом Н. Лоренковичем в 1878 г.), вместе с фотографией Анны Григорьевны и его самого. Они были сделаны летом в Старой Руссе, судя по штампу на фотографии: «В Старой Руссе, в Парке Минеральных вод». В коллекции А. Г. Достоевской встречается одна из таких фотографий кабинетного размера с обрезанным по верхнему краю паспорту (возможно, для того, чтобы она могла поместиться в книге). Н. Н. Кузьмин говорит о фотографии шестилетней девочки, однако назвав ее умершей. (Это неверно. Первая дочь Достоевских Соня умерла в трехмесячном возрасте. В семье хранилась ее фотография на смертном одре). Вероятно, в Евангелии находилась та маленькая фотография Л. Достоевской, на одной из которых рукою Анны Григорьевны подписано: «Весною 1876 г.» (Л. Достоевская родилась в 1869 г. и на этой фотографии ей около шести лет). Хранится в ГЛМ. «Все смотрел на фотографию Любочки, раза три взглядывал, припоминал», — писал он Анне Григорьевне из Эмса в 1874 г. (29, I; 325). Из фотографий сына могла

²⁷ Г. Ф. Коган. Черновой набросок к роману «Униженные и оскорбленные». «Литературное наследство». Т. 86, М., «Наука», 1973.

²⁸ Рукописный отдел РГБ. Ф. 93.

быть с ним маленькая фотография Феди 1873 г. (родился в 1870 г.). В фондах Литературного Музея ИРЛИ хранятся фотографии Л. и Ф. Достоевских середины 1870-х гг., которые висели в кабинете Достоевского над его письменным столом в его последней квартире. Они могли быть у Достоевского всегда при нем, как и Евангелие, подаренное ему в Тобольске. Фотография Любочки 1876 г. была дорога и Анне Григорьевне, она не любила расставаться с фотографиями детей. Уезжая из Петербурга на свою кавказскую дачу в Адлере, она увозит с собою альбом с фотографиями детей, снятыми в разном возрасте (от раннего детства до молодых лет), близких друзей и родственников. (Об этом альбоме я узнала от прислуживавшей Анне Григорьевне в Адлере Агафьи Никифоровны Николаевой (тогда ей было около 16 лет). Она видела альбом, слышала и о рукописях Достоевского, оставленных Анной Григорьевной в Адлере, когда вынуждена была в 1917 году срочно покинуть свою любимую кавказскую дачу и уехать в Ялту. Нам удалось найти фотографии из альбома А. Г. Достоевской, о котором помнила А. Н. Николаева. Они хранятся в ГЛМ. Тоскуя по детям в Эмсе, Достоевский просил жену писать про детишек «все, а именно, что они говорят и делают», и Анна Григорьевна прислала ему в своих письмах записочки от детей. В Евангелии, принадлежавшем Достоевскому, находились те самые, написанные крупными каракулями на небольших клочках бумаги письма Любы и Феди, за которые он в письме от 1 (13) августа 1879 г. просил Анну Григорьевну благодарить их непременно: «Любочку за ее прелестное письмецо, а Федулку за доброе намерение. Смерть люблю их» (30, I; 95).

«Милый папка как твое здоровье мы у Юрика пристовляем» (на обороте рукою А. Г. Достоевской: «писал Федя, но обиделся что не вышло, заплакал и с обиды заснул на столе») (РГБ. Ф. 93. П. 4. 34). «Милый мой папочка как твое здоровье мы все слава Богу здоровы и представляем у Юрика театр из басень Крылова «Стрекоза и муравей» (я буду муравьем и Юрик стрекозой) затем «Петух и кукушка», кукушкой будет Анфиса а Петухом я «Квартет», в котором мишкой будет Федя, прощай мой папочка твоя Люба» (РГБ. Ф. 93. П. 4. I) ²⁹.

Эти письма детей не могли не обрадовать Достоевского, находившего, что в воспитании своих детей у них с Анной Григорьев-

²⁹ Некоторые письма и записочки детей, приложенные А. Г. Достоевской к своим письмам Достоевскому в Эмс и Петербург, опубликованы. — «Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка». Изд. подготовили С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л., «Наука», 1976, упоминаются в комментариях к письмам в Полном собрании сочинений Достоевского.

ной есть «большой недостаток: у них нет своих знакомств, то есть подруг и товарищей, то есть таких же маленьких детей, как и они» (29, I; 248).

И вот он узнает о детском спектакле, который готовится в Старой Руссе в доме Жакларов, и в нем участвуют и его дети вместе с Юриком Жакларом и дочкой его друга, священника И. Румянцева, Анфисой. Потом Достоевскому прислали и афишку (РГБ. Ф. 93. П. 3. 55) и Анна Григорьевна подробно описала спектакль. На эти письма детей он обещал Анне Григорьевне ответить, и через неделю каждому написал по отдельному письму (30, I; 101). «Лиличка пишет премило, все письма ее берегу и всегда целую», (30, I; 98). Он берег каждую строчку своих детей. Сохранился маленький кусочек с каракулями карандашом его семилетнего сына Федора Федоровича (РГБ, ф. 93. I.3.58). Он включен в первый отдел фонда Достоевского, в отдел его рукописей. В. С. Нечаева поместила его в разделе «Пометы» в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского», изданного ГБЛ в 1957 г.

Федя написал:

ДНЕВНИКЪ П
ИСАТЕЛЯ Ф
ЕВРАЛЬ

В правом углу этого листочка Достоевский сделал чернилами помету: «1877 года 10 марта Федя написал».

Достоевский любил детские каракули. В его черновиках встречаются сделанные детскою рукою записи маленьких детей его старшего брата М. М. Достоевского.

Он и сам любил в минуты размышлений выводить каллиграфически в своих записных тетрадях заглавия журналов, где печатались его произведения (напр. «Русский Вестник», «Заря» — в черновиках к роману «Идиот»). А иногда, как и его маленький сын, пишет в черновиках к «Подростку» крупными печатными буквами: «ГЕРОЙ не ОН, а МАЛЬЧИК»³⁰. И вот его старший сын, начинающий учиться читать, выводит печатными буквами название доставлявшего ему столько хлопот и гордости издаваемого им самим его собственного журнала, да еще того номера (февральского), где немало страниц посвящено детям. И чтобы не забыть такую дорогую, важную для него минуту, он ставит дату и оставляет листочек в своем Евангелии.

³⁰ Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. — «Литературное наследство». М., «Наука», т. 77, 1975. С. 74 и 75 (подбор иллюстраций Г. Коган).

«<...> Ведь дети — образ Христов: «Сих есть Царствие Божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество» — произносит эти строки из Евангелия от Матфея (гл. 19, ст. 14) Раскольников в той главе романа, где они с Соней склонились над вечной книгой, читая из четвертого евангелия легенду о воскресении Лазаря. Хранилось в Евангелии, судя и по старому архивному номеру, и по тому, что тонкие зеленовато-серые листы небольшого формата были много (8 раз) сложены (не мог же никто, кроме Достоевского, так сделать), письмо человека, который оказал на него, по его признанию, огромное благотворное влияние, любимого друга юности, общение с которым его «подарило столькими часами лучшей жизни» (28, I; 69), — единственное известное письмо к нему Ивана Николаевича Шидловского.

Услышав о постигшем Достоевского несчастии — смерти Михаила Михайловича и Марии Дмитриевны, обеспокоенный его здоровьем (о чем он читал в журнале «Время»), Шидловский пишет ему в 1864 г.: «Я все мечтал еще свидеться с Вами обоими. И вдруг так разом и так рано не стало одного из Вас. Кажется большая часть сердца моего замерла...» Он просит Достоевского написать ему и прислать «похожие» карточки себя и Михаила Михайловича. «Ведь Вы не можете не верить моей любви к вам обоим... Не откажите душе моей! Не забыл я песнь заветную // Песню дружбы юных дней!..»³¹.

М. М. Достоевский уведомил его о «сборах» Достоевского написать к нему. Он «радовался и ждал». Достоевский собирался ответить. В записной тетради 1964—65 гг. он называет имя Шидловского среди имен близких друзей, которым следует «ОТВЕТИТЬ», «НАПИСАТЬ» (27; 97). Неизвестно, написал ли ему Достоевский, но он постоянно вспоминает о нем, о его богато-одаренной натуре, цельной, но сложной, в которой мирилась бездна противоречий, «искренняя вера и религиозность сменялись временным скептицизмом и отрицанием». Так писала А. Г. Достоевской (по ее просьбе) в феврале 1902 года Л. В. Шидловская (его невестка), отмечая, что Федор Михайлович верно подметил эту двойственность натуры ее деверя³². Именем своего друга Ивана Николаевича называет Достоевский в черновиках к роману «Идиот» его будущего героя главного, рядом с именем которого в рукописях появляется: «Князь-Христос»; имя Ивана Николаевича Шидловского, много лет занимавшегося историей Церкви (Досто-

³¹ Письмо И. Н. Шидловского (РГБ. Ф. 93. II.9.143а). Впервые опубликовано в кн.: «Достоевский. Новые материалы и исследования». «Литературное наследство». Т. 86. С. 398—399.

³² ГЛМ. Ф. 81. Письма Шидловских к А. Г. Достоевской.

евский знал о его занятиях), будет им дано и Ивану Карамазову в последнем своем романе. Он не забывал «большого для него человека»³³, думал о нем постоянно. Письмо, хранившееся им в Евангелии, тому свидетельство.

Так весь вещественный мир оказывается пронизанным чувствами личности (А. Ф. Лосев. «Диалектика мифа»).

И вещественные реликвии, хранившиеся Достоевским в Евангелии, открывают перед нами уникальные, неповторимые черты личности Ф. М. Достоевского.

³³ Вс. Соловьев. Воспоминания об Ф. М. Достоевском. — В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Том 2. С. 204.